

А. Е. Сериков

Ритмическая организация социальной реальности

В современных социальных теориях, таких как теория практики П. Бурдьё, теория структуризации Э. Гидденса или теория коммуникативных систем Н. Лумана, особое значение играет понятие времени, отличающее их от классических подходов, где время было либо несущественно, либо понималось как форма субъективного самосознания. Это обусловлено тем, что в данных теориях практические действия, их смыслы или реализуемые ими коммуникации понимаются как принципиально непредсказуемые и необратимые события, а социальная реальность — как состоящая из событий и ритмически организованная.

Например, П. Бурдьё описывает действия как отдельные моменты практики, между которыми существует смысловая связь. Практический смысл действия может быть понят как событие, выражаемое действием¹. В качестве события он не совпадает ни с сознательным намерением субъекта, ни с универсальной бессознательной моделью, ни с совокупностью объективных факторов, влияющих на действие. Не совпадает он и с самим действием, так как действие и его смысл следует различать. Далее, смысл действия выражается не этим действием, а последующими действиями. Или иначе, всякое действие выражает смысл предшествующих действий. В этом и заключается смысловая связь действий, преодолевающая их дискретность. Эта связь предполагает рекурсивную реализацию некоей порождающей смысловой формы, с одной стороны, и постоянную импровизацию, с другой. Поэтому обмен дарами, словами, действиями вообще следует признать «объективно необратимой, относительно непредсказуемой последовательностью, которую создают агенты своей практикой, то есть рядом необратимых решений, в которых и посредством которых они *темпорализуются*»².

¹ По аналогии с пониманием смысла как события, выражаемого предложением, у Ж. Делеза. См.: Делез, Ж. Логика смысла; Фуко, М. *Theatrum philosophicum*. М.: Раритет, 1998. С. 29–43.

² Бурдьё, П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. С. 206.

События не разворачиваются в некотором независимом от них пространстве-времени. События формируют пространство и время. Каждое событие имеет место в пространстве-времени, сформированном предшествующими событиями. Повседневность ритмизуется событиями и имеет сложную темпоральную структуру: события большей длительности парадоксальным образом включают в себя события меньшей длительности, но при этом остаются чем-то целостным.

На эмпирическом уровне события всегда выражаются действиями. Поэтому, говоря о длительности события, мы имеем в виду длительность действия. Чтобы лучше понять, что такое длительность действия, стоит обратиться к концепции Бергсона. Переживаемая тем, кто действует, длительность действия является чистой длительностью, т. е. непрерывным многообразием, в отличие от пространства как дискретного однообразия. Чистая длительность, согласно Бергсону, «вполне могла бы быть только последовательностью качественных изменений, сливающихся вместе, взаимопроницающих, без ясных очертаний, без стремления занять внешнюю позицию по отношению друг к другу, без всякого родства с идеей числа: это была бы чистая разнородность»³.

Так считает Бергсон, но вопрос состоит в том, существует ли нечто подобное в реальности? Во всяком случае, социальная реальность носит немного иной, а именно ритмический характер. Точнее, характеристики социальной длительности во многом совпадают с характеристиками чистой длительности у Бергсона, за исключением того, что она не является только непрерывной. Длительность социальной реальности и непрерывна и дискретна одновременно, в этом и заключается основное свойство ее ритмов. И дело не просто в том, что время — это социальный конструкт, результат опространствливания длительности. Сама изначальная длительность носит такой характер. Это, кстати, является источником некоторой противоречивости, парадоксальности того, что пишет Бергсон о чистой длительности. Он, с одной стороны, хочет отказаться от понимания чистой длительности

³ Бергсон, А. Собр. соч. : в 4 т. Т. 1. М.: Московский клуб, 1992. С. 94–95.

как последовательности интервалов и описывает ее как неразрывную целостность акта, а с другой стороны, постулирует ее как необратимую. Он то подчеркивает невозможность разделить чистую длительность на отдельные интервалы или мгновения, то начинает рассуждать о составляющих длительность мгновениях. Например, сравнивая научное измерение времени и внутреннее чувство длительности, он пишет о стадиях длительности. Исследователя природы интересуют результаты движения изучаемого тела, но «когда речь идет о чувстве, нет никаких точных результатов, помимо того, что было пережито. Для адекватного определения этого результата следовало бы пройти все стадии самого чувства и занять ту же длительность»⁴.

Все это вместе можно интерпретировать следующим образом: даже чистая длительность предполагает различие и последовательность наступающих и длящихся качеств, а значит, и моментов их наступления, и моментов их перехода из актуальности в память. Лишь наличие таких различающихся взаимосвязанных моментов само по себе может сделать возможным их соотнесение с внешним миром и выделение из целостной длительности. Поэтому и длительности, а не только пространству присуща прерывность — особая дискретность появляющихся и длящихся взаимосвязанных качественных состояний.

Можем ли мы где-нибудь обнаружить совершенно непрерывное человеческое сознание? Оно дискретно хотя бы потому, что человек периодически засыпает и просыпается. Что является основой для субъективного объединения периодов бодрствования в единое ощущение? Возможно, человеческий опыт един потому, что включен в некий обобщающий акт. Я засыпаю, решая некую задачу, и просыпаюсь, думая о ней, — и так продолжается до тех пор, пока я не решу ее, либо не откажусь от ее решения. Но параллельно с этой задачей я вовлекаюсь во множество других дел, и почти никогда не бывает так, чтобы новое дело начиналось только после того, как завершится прежнее. Различные длительности совсем не обязательно следуют друг за другом таким об-

⁴ Бергсон, А. Указ. соч. С. 135.

разом, что окончание одной совпадает с началом следующей. Напротив, длительности пересекаются и протекают одна на фоне другой, бесконечно встраиваясь друг в друга, переплетаясь самым причудливым образом. Но это не мешает каждой из них оставаться простой и неделимой.

Длительность отдельного действия, взятая сама по себе, непрерывна. С субъективной точки зрения, начало и конец действия зарождаются вместе. Например, я выхожу из дома и иду в библиотеку. Как только я вышел из дома, мысленно я уже подхожу к библиотеке, преодоление некоторого пространства — это один простой акт. Но, конечно, этот акт имеет начало и конец, и он длится. Начало всякой длительности предопределяет ее конец. Если по дороге на работу я сел в трамвай, то я обязательно из него выйду, и пребывание в трамвае можно рассматривать как одну простую длительность.

Я не свободен сделать так, чтобы начавшаяся длительность не прекратилась. Но я свободен на фоне уже длящихся действий начинать новые, как бы встраивая их в те, что уже начаты. При этом те длительности, на фоне которых зарождаются новые, как бы раздвигаются, поскольку изменяется масштаб их восприятия, и при изменении масштаба посреди их непрерывности обнаруживаются лакуны, которые могут быть заполнены новыми событиями. Длительности микрособытий, в свою очередь, могут быть заполнены другими событиями, поскольку переходить от одного масштаба к другому можно бесконечно. Эта бесконечная возможность и создает иллюзию того, что время — линейная последовательность моментов или интервалов «теперь». Так было бы, если бы начала и окончания последовательных «теперь» совпадали, и все «теперь» существовали бы в одном масштабе. Но длительности существуют в бесконечности масштабов. Собственно говоря, они эти масштабы и создают. Нет бесконечной и единой линии времени, но иллюзия линии возникает оттого, что всякая конкретная длительность разворачивается на фоне многих других.

Событийность социальной реальности оказывается, таким образом, тесно связана с нелинейностью времени, с тем, что в математике называют дробной размерностью. Поэтому не случайно, что в теориях Лумана, Бурдьё и Гидденса время понимается аналогично тому, как это делается в синер-

гетике и теории детерминированного хаоса, например, у И. Пригожина. Это происходит не вследствие явных взаимодействий, а скорее вследствие общности проблем, т.к. теория хаоса и синергетическая концепция времени возникли тогда, когда естествоиспытатели в конце XX века открыли, что огромное число физических, химических и биологических систем ведут себя одновременно и упорядоченно, и непредсказуемо. Во всех указанных теориях время рассматривается как свойство и/или важнейший фактор необратимых, непредсказуемо изменяющихся в рамках вполне определенной общей формы процессов, состоящих из рекурсивных дискретных событий, в основе которых лежит некий порождающий принцип или смысловая схема. Такое понимание достаточно близко также идеям ученых из Международного общества по изучению времени, согласно которым время является составным и представляет собой иерархию все более и более сложных временных протяженностей, а понимание действительности в самой своей основе невозможно без понимания времени⁵.

Изложенные здесь общетеоретические соображения могут быть применены в решении проблемы моделирования социальных процессов. Здесь до недавнего времени существовало два подхода. С одной стороны, многие авторы оспаривали и оспаривают саму возможность моделирования социально-экономических и политических процессов на том основании, что социальные изменения являются итогом свободных действий индивидов, сконструированных вследствие свободной интерпретации значений и смыслов, либо вследствие появления принципиально новых идей. Такое радикальное утверждение свободы действующего субъекта исключает, помимо прочего, и возможность какой-либо определенной ритмической организации социума. С другой стороны, существует давняя традиция рассматривать социальную динамику как нечто закономерное, имеющее линейную или циклическую форму. Придерживающиеся второй точки зрения авторы считают, что, опираясь на известные тренды и

⁵ Тернер Ф., Пеннель Э. Поэзия, мозг и время // Красота и мозг. Биологические аспекты эстетики. М. : Мир, 1995. С. 74.

периодичность социально-экономических и политических процессов, мы могли бы в принципе построить их математические модели, позволяющие делать детальные прогнозы. Проблема, якобы, заключается лишь в недостаточной разработанности существующих моделей, в необходимости учитывать большее количество взаимодействующих параметров и применять более точные измерения.

В рамках второго подхода считается, что макротенденции и макроциклы, будучи закономерными, никак не связаны с хаотическим случайным отклонением от этих тенденций на микроуровне, а также что незначительные изменения параметров на микроуровне не влияют существенно на общий ход макропроцессов. В целом социальные процессы здесь понимаются как состоящие из двух слагаемых: закономерных изменений на макроуровне и несущественного хаотического «шума». При анализе статистики от этого «шума» избавляются с помощью методов сглаживания, выявления трендов и т. п. Такому различению тенденций и циклов, с одной стороны, и хаотических изменений, с другой, обычно соответствует различение истории и повседневности. Большинство повседневных событий, с этой точки зрения, воспринимаются как несущественные для истории.

Противоречие указанных двух подходов снимается в новой методологии моделирования динамических процессов, развиваемой во фрактальной геометрии, теории детерминированного хаоса и синергетике. Детерминированно-хаотические (фрактальные) процессы характеризуются дробной размерностью и отличаются как от математически-случайного хаоса, так и от цельноразмерных линейных или циклических процессов. При этом в своих деталях они непредсказуемы как на микро- так и на макроуровне, но является предсказуемой их общая форма. В рамках такого подхода повседневные события понимаются как основа истории, а их ритмическая форма оказывается в отношениях подобия с формой больших исторических ритмов.

Итак, наша реальность ритмически организована таким образом, что события разного масштаба вкладываются друг в друга наподобие матрешек, и это обуславливает дробную размерность социальных процессов. Время можно понять как социально конструируемую форму социального конструиро-

вания реальности. Даже если допустить, опираясь на опыт измененных состояний сознания, существование внетемпоральной реальности, повседневность человек всегда воспринимает сквозь призму времени. Почему? Потому что темпоральность, независимо от конкретной социальной формы времени (линейное, циклическое, и т. п.), — это фундаментальное свойство социальности. Ведь повседневность возникает в ходе возобновляющихся человеческих действий, коммуникаций, в ходе рекурсивных реализаций порождающих практических схем. Поэтому сама возможность социального конструирования связана с формой времени, отличной от всех других возможных форм опыта. Повседневная реальность — это мир нашего совместного смысла, рождающегося в последовательных соотносимых друг с другом действиях. Поэтому эта реальность не может существовать вне времени.